

# ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

## Знание, понимание, умение в герменевтической структуре научного текста

П. Д. ТИЩЕНКО

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,  
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)\*

*В статье представлено герменевтическое истолкование структуры научной статьи, в которой дискурсы знания, понимания и умения обеспечивают взаимодополнительные отношения между объективностью научных знаний и их личностным основанием.*

*Ключевые слова: знание, понимание, умение, введение, материалы и методы, обсуждение, порядок природы, порядок истории, герменевтика.*

## Knowledge, Understanding and Skill in Hermeneutic Structure of Scientific Text

P. D. TISHCHENKO

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

*The article presents the hermeneutic interpretation of scientific article structure, in which discourses of knowledge, understanding and skill provide cooperative relations between objectivity of scientific knowledge and its personal basis.*

*Keywords: knowledge, understanding, skill, introduction, materials and methods, discussion, nature order, order of history, hermeneutics.*

Могущество научного разума традиционно связывается с тем, что в исследовании реальности произошел отказ от истолкования слов и переход к инструментальным измерениям вещей и их отношений. В неклассической науке, когда позиция аб-

солютного наблюдателя распалась на многообразие взаимонередуцируемых точек зрения (источников субъективности), вновь появилась возможность обнаружить укорененность бытия в слове. Внешне данная трансформация научной установки нашла

---

\* Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: +7 (499) 374-59-30. Эл. адрес: pavel.tishchenko@yandex.ru

свое выражение в обостренном внимании к проблеме понимания в рамках естествен-но-научной деятельности.

Проблема понимания не случайно заняла одно из центральных мест в современных философских исследованиях. Она как бы стягивает в один узел широчайший спектр исследовательских позиций, точек зрения, теоретических и практических интересов. Причем «на фоне этого разнообразия можно вычлениить и нечто общее: феномен и проблема понимания связываются прежде всего с признанием и осмыслением *персональной составляющей* познавательного процесса (выделено мной. — П. Т.)» (Автономова, 1986: 79). Открытие неизбывности персональной составляющей (личностного плана) научного знания создает (по крайней мере, потенциально) угрозу принципу объективности. Для того чтобы эту угрозу отвести, философы и методологи науки предпочитают связывать персональную составляющую с процессами получения и передачи научного знания (коммуникацией). Само же научное знание сохраняет примат объективности, обезличенности как формы его общественного существования в сознании не индивида, а научного сообщества.

Мне представляется, что данная точка зрения не учитывает ряд принципиально новых аспектов, которые привнесла в обсуждение проблемы знания неклассическая наука XX в. Для того чтобы прояснить поворот в понимании знания, осуществленный неклассической наукой, полезно философски исследовать морфологию непосредственно коллективной формы существования научного знания как знания — научного текста. Я считаю, что центром этого поворота является осознание понимания не только как искусства аутентичной дешифровки текстов, уяснения авторской точки зрения и замысла эксперимента (что само по себе безусловно важно), но главное — как онтологии, как речи о бытии. В качестве парадигмальной структуры научного текста будет рассмотрена структура текста экспериментальной статьи, в которой научный результат

представлен в наиболее объективной — количественной форме.

Научный текст начинается с *введения*. Поскольку основная ценность знания обычно видится в результате — объективно зарегистрированном факте или теоретическом обобщении, то с этой точки зрения знание, которое дано во введении, иначе как предварительным, ориентировочным, неточным и т. д. не назовешь. Но в этом случае можно усомниться в оправданности его присутствия в научной статье. В условиях переизбытка научной информации вряд ли имеет смысл сохранять что-либо неточное и ориентировочное, если в том же тексте будет дана более точная и, главное, объективная информация. Однако тенденция развития научной литературы свидетельствует о необходимости наличия в тексте введения. В чем же его смысл?

В сравнении с объективным результатом познавательного отношения знание во введении некоторым образом имманентно содержит в себе незнание. Взаимодополнительность знания и незнания, а точнее, знание о своем незнании, которое выражается в проблеме, составляет начало познавательного отношения.

Дополняющие друг друга «полюса» начала для самосознания классической науки (до сих пор господствующего) неравноценны. Если знание некоторым образом представляет для него бытие само по себе до и независимо от познающего субъекта («отражает» его), то незнание является характеристикой субъекта — его ущербности, ограниченности, «страдательного» состояния и т. д. Последнее обстоятельство особенно ярко выражено в идеологии Просвещения, проникнутой пафосом познания как пути к счастью. Начало познавательного отношения совпадает с началом этики ученого, для которого познание объективной реальности есть одновременно способ решения его собственной жизненной проблемы, его путь к собственному осуществлению. Причем формой осуществления человека как познающего разума является открытие в фор-

мах объективности до и независимо сущего бытия.

Вместе с тем, как показала неклассическая физика, возможно мыслить незнание как определенное высказывание, говорящее не только о состоянии познающего индивида, но и о реально сущем самом по себе. Разум классической науки считает позитивное знание отражением некоторого определенного, «ставшего» и равного себе мира. Неклассическая наука обнаруживает познавательную ценность незнания, которое, говоря классическим языком, призвано «отображать» неопределенность этого мира, его неравенство себе, его собственную возможность стать иным образом объективированным. Этот аспект неклассического понимания реальности и научного знания четко выразил Вернер Гайзенберг, с точки зрения которого неопределенность является не только синонимом субъективного незнания, но и адекватной объективной характеристикой самой физической реальности (Heisenberg, 1971: 121).

В неклассической перспективе незнание как начало познавательного отношения содержит в себе два плана или две интенции, реализующиеся в событии открытия, — план личного осуществления, стремление преодолеть ущербность в акте познания, открыть в своем сознании трансцендированное место гносеологического субъекта и план, открывающий возможность для бытия реализовать себя определенным образом. Отмеченные выше два адресованных друг другу плана «незнания» являются существенно важными для понимания того, о чем идет речь во введении научной статьи. С одной стороны, постановка проблемы выражает незнание познающего субъекта, представляющего в этом отношении все научное сообщество, в противном случае речь шла бы не о познании, а об образовании. С другой стороны, в проблеме постоянно присутствует, ведется речь о самом по себе сущем, которое может стать иным, т. е. содержит в себе потенцию (возможность) нового открытия своей природы в зависимости

от того, как по-новому задает вопрос исследователь.

Формулировка во введении научной статьи задачи эксперимента (его замысла) представляет собой сложное мыслительное преобразование. Для того чтобы понять суть этого преобразования, необходимо обратить внимание на тот очевидный факт, что в названии статьи и в самом начале ее введения проблема еще существенно не определена, она еще в значительной степени погружена в контекст естественного языка и поэтому может быть весьма многообразно истолкована и соответственно экспериментально изучена. В последней части введения проблема должна быть переформулирована как задача конкретного эксперимента.

На первый взгляд отмеченное выше преобразование проблемы можно интерпретировать как своеобразное абстрагирование или отвлечение от избыточного числа возможных параметров с тем, чтобы сформулировать задачу относительно некоторой абстрактной модели. В основе классического понимания абстракции как отвлечения лежит онтологическая модель, согласно которой то, о чем идет речь, априорно (т. е. до процедуры отвлечения или абстрагирования) состоит из некоторого многообразия элементов или частей. Абстрагирование лишь выделяет из равного себе многообразия некоторую «часть» элементов и исследует часть также до опыта сущих свойств и отношений этой части. В неклассической науке подобное представление поставлено под сомнение. До опыта бытие само по себе не состоит, как из частей, из всего того, что в опыте находит объективное выражение. Оно есть лишь бытие в возможности стать некоторой экспериментально объективируемой определенностью. Поэтому преобразование проблемы, осуществляемое во введении экспериментальной статьи, может рассматриваться не как отвлечение части свойств и отношений из их предполагаемой генеральной совокупности, а как своеобразный творческий акт производства мира объективно регистрируемых событий.

Мир экспериментальной ситуации скрепляется набором операционных процедур, фиксируемых в следующем за введением разделом естественно-научной статьи, который обычно именуется «*Материалы и методы*». В игру знания и понимания включается другое составляющее разумного освоения мира — умение. Место вне мира экспериментальной ситуации есть точка зрения автора эксперимента, из которой он объективно созерцает события. Понимание текста статьи предполагает способность другого познающего индивида встать на данную точку зрения, увидеть происходящее «глазами» автора. Приобщиться к его умениям. Для этого необходимо мысленно воспроизвести устройство авторского «глаза», т. е. того обобщенного телесного прибора, через который познающая душа с позиции гносеологического субъекта созерцает мир экспериментальной ситуации. Конечно, речь здесь идет не о глазе как части тела, а о тотальном задании телесности экспериментатора как средства созерцания. Следует отметить, что в современной науке действует не отдельный ученый, а научный коллектив (например, «мезоновая фабрика» физического эксперимента). Поэтому телесность, с которой имеем дело, — коллективная. Она так же должна обладать умением превращаться в прозрачную среду созерцания.

Таким образом, под рубрикой «Материалы и методы» в экспериментальной статье «проясняются» одновременно и конструкция мира экспериментальной ситуации, и положение точки зрения экспериментатора относительно этого мира. Относительно идеала ясности, достигаемого в результате операциональной переформулировки проблемы эксперимента, контекст проблемы, обозначенной в начале введения экспериментальной статьи, существенно не ясен и не определен. Однако поскольку это определение относительно, то в принципе его можно «проверить» — попробовать за эталон ясности взять нечто иное, например что-то, присущее началу введения.

По мнению Э. Кассирера, подобного рода переоценку ценностей произвел в свое время

Дж. Вико. Так же, как и Декарт, Вико считал, что поиск ясной и самоочевидной основы знания должен осуществляться методом рациональной критики. Однако результат Вико получает принципиально иной. Кассирер следующим образом формулирует основной смысл рассуждений Вико: «Переход от математики к физике действительно приближает нас к пониманию реальности, позволяет понимать эмпирические факты. Но наше знание этих фактов остается неадекватным, оно правдоподобно, но не истинно. Дело в том, что физический, материальный мир не является делом наших собственных рук, но произведением Бога — и Бог один, создатель мира, может понимать свою работу абсолютно точным и законченным образом» (Cassirer, 1979: 104). Вико как бы ловит научный разум на уже обсуждавшемся выше противоречии — если научное знание достоверно лишь постольку, поскольку оно воспроизводимо, т. е. поскольку экспериментатор, обладая исчерпывающим знанием, каждый раз заново может сконструировать мир эксперимента, то либо данный мир представляет собой лишь некую условность (он правдоподобен), либо ученый должен претендовать на роль Бога. Для христианина, считает Вико, допустимо лишь первое утверждение. То, что человек может понимать ясно и беспредпосылочно как свой собственный результат и свое произведение, за которое он несет полную ответственность, есть его поступок, образующий элементарный шаг истории. «Человек понимает историю, потому что он является творцом истории» (там же).

Критическим методом обнаруживаемый идеальный порядок истории создает основание «новой науки» — истории, идеальной «материей» (объективирующим материалом) которой является язык. Текст (документ) служит для этой науки основным источником истины. С позиции истории физическое знание выглядит неясным и неоправданным. В концепции Дж. Вико логике Декарта (логике познающего естественно-научного разума) противопоставлена логика практическая (или «поэтическая») — особая способ-

ность разума делать поступок ясным, открытым для самого поступающего и для другого.

Несмотря на экзотичность позиции Вико для естествоиспытателя, то, с чего ученый начинает введение научной статьи, и есть позиция истории. В самом деле, введение средствами естественного языка должно лаконично, но исчерпывающе прояснить позицию экспериментатора относительно осуществленной истории исследования в данной области. И только тогда, когда сама позиция становится «самоочевидной» (сама собой разумеющейся), можно, оперевшись на нее, сформулировать неопределенность предметного мира как проблему, лежащую в основе конкретного эксперимента.

История вводится в текст экспериментальной статьи как ссылка на другой текст, представляющий опыт другого познающего субъекта. При этом позиция автора статьи задается в явном виде методом оппозиции к позиции другого. Эта оппозиция может принять форму как опровержения, так и развития, демонстрирующего возможность применить метод предшественника к некой новой задаче. В любом случае *недвусмысленное и ясно сформулированное отношение к предшествующему опыту есть способ введения в познавательную ситуацию, способ задания неопределенности (неясности) в объективном мире — проблемы как начала нового акта познания*. Прояснив свое место в развивающейся истории науки, экспериментатор получает возможность, используя методы объективной регистрации (в идеале — измерения), попытаться преодолеть (прояснить) исходную неопределенность (проблематичность). Причем, как только неопределенность в объективном мире за счет реализации эксперимента будет преодолена — получен в результате измеряющего эксперимента объективный (в идеале — числовой или графически выраженный) результат, т. е. достигнута определенная ясность и очевидность с точки зрения естественно-научного разума, так сразу же, встав на эту точку отсчета как очевидную, ученый обнаруживает всю глубину и проблематичность

того, что случилось, относительно предшествующего опыта. Поэтому за рубрикой научной статьи «Результаты» с необходимостью идет рубрика «Обсуждение», в которой объективный результат возвращается в порождающее лоно истории познавательного процесса, становясь аргументом в мысленном диалоге с другими его участниками. В «Обсуждении» это возвращение осуществляется в явном, эксплицированном виде.

Менее выражено, но не менее существенно оно входит уже в первое, самое начальное, суждение о том, что научный факт имел место, причем входит как обосновывающий поступок познающего субъекта. Дело в том, что, записав результат измерения в рабочий журнал, исследователь должен убедиться сам и доказать коллегам, что имело место некое событие.

Для того чтобы понять, о чем идет речь, необходимо вспомнить о принципе инерции как универсальном условии эксперимента. Без воздействия некоторого фактора сама система должна находиться в состоянии покоя или прямолинейного равномерного движения. Только в этом случае изменение состояния системы можно поставить в «вину» исследуемому фактору. Поэтому экспериментатор видит факт, когда налицо некоторое изменение состояния. Причем вопрос не просто о том, что начальное и конечное состояние должны друг от друга отличаться. Необходимо, чтобы это отличие было достоверным. Эта проблема формулируется как статистическая задача, решая которую, требуется доказать, что вероятность случайного отклонения исследуемой системы (без действия исследуемого фактора) была бы ниже принятого за достоверный предел. Таким образом, полученный результат не есть факт сам по себе. Он становится фактом только при условии теоретически обоснованного установления его существенного отличия от другого факта (начального состояния).

На практике данное требование выражается в оценке вероятности случайного (фактически без действия того фактора, который

изучается) отклонения исследуемой системы от начального состояния в состояние, соответствующее эмпирически зарегистрированному. Если вероятность мала, причем суждение об этом зависит как от избранного статистического приема, так и от особенностей экспериментальной ситуации, то можно считать, что результат некоторым образом обусловлен действием исследуемого фактора.

Принципиально важно осознать, что математическая ясность и достоверность оценки результата обосновываются достоверностью и убедительностью (ясностью) суждения о практической достаточности избранного предела случайного отклонения и практически достоверным описанием случайных отклонений с помощью применяемого закона. *Ясность и достоверность суждения о практической достаточности и есть та форма необходимого, к которой обращается в своих работах Вико.*

Суждение о случившемся в экспериментальной ситуации события (факте) сопрягает логику Декарта и логику Вико в одну речь о реально сущем, создает возможность его открытия. Вместе с тем речь идет пока лишь о возможности, реализация которой осуществляется в процессе обсуждения результатов.

Исходным моментом обсуждения выступает достоверно установленный факт различия двух фактов — начального и конечного состояний системы. При этом для того чтобы понять универсализирующую процедуру подведения под охватывающий закон, необходимо пристальнее приглядеться к тому, как осмысливается сам переход из начального в конечное состояние.

Если утверждение наличия факта строилось на предположении о том, *что его не могло быть с точки зрения определенной статистической интерпретации ситуации, то объяснение установленного факта стремится показать обратное, а именно то, что наблюдаемое событие могло (или даже должно) было быть с точки зрения используемой в данной предметной области*

*некоей охватывающей теории.* Если объяснение события прошло успешно, то это значит, что найден закон, связывающий начальное и конечное состояния системы так, что, зная начальное состояние, можно вполне надежно предсказать конечное, т. е. логически (дедуктивно) вывести одно из другого.

Сколь бы ни была удачна теоретическая интерпретация, на которой строится объяснение, между теоретически предсказанным и реально наблюдаемым результатом всегда есть некоторое рассогласование. Это рассогласование является источником беспокойства мысли, стремящейся его минимизировать. Причем здесь могут быть две различные установки мышления: либо поставить под сомнение факт, объяснив рассогласование неточностью измерительного прибора (некорректностью методики эксперимента), либо усомниться в теории — попытаться внести в нее некие изменения, уточнения и т. д. Движение мыслительного челнока, реализующего то одну, то иную возможность предположения о смысле рассогласования между осмысленным утверждением факта и его осмыслением в процессе объяснения, продуцирует ткань научного исследования, предметной области, заданной примененным набором «линеек» и «часов». Математика для данной предметной области является естественным языком, на котором записана изучаемая экспериментатором книга Природы. Независимость реальности (ее неподатливость, сопротивление) от мысли выступает для ученого в форме рассогласования между его двумя мыслительными процедурами — осмысленным утверждением о том, что факт имел место как достоверное наличие двух логически независимых фактов, и его объяснением, вводящим отношение логической зависимости.

В неклассической науке реальность сама по себе получает онтологическое определение неопределенности, чистой возможности стать иным образом определенной. Реальность трансцендируется относительно мира экспериментальной ситуации. Поскольку же неопределенность из субъективной ущерб-

ности становится характеристикой самой реальности, то имя, вводящее в экспериментальной ситуации эту неопределенность, уже не может рассматриваться как нечто в дурном смысле субъективное, оно становится формой бытия. Суждение о бытийности имени не означает того, что в самом «мире» экспериментальной ситуации, в его хронотопе выделяется некий «домен», где бы реальное бытие структурировало себя как словесный язык. Последнее исключается объективирующими процедурами задания экспериментальной системы.

Язык оформляет бытие в поступке задания экспериментальной ситуации. Причем так же, как математически записанный текст книги Природы исследователь не может читать непосредственно, но лишь через призму измеряющего прибора, аналогично этому «прочтение» словесного текста о бытии предваряется особой герменевтической процедурой — истолкованием в объективном результате замысла эксперимента, выявлением его целей и задач. Истолкование превращает объективный результат в знак, значение и смысл которого раскрываются лишь в контексте обсуждения осуществленного опыта научного исследования.

Процедура истолкования смысла, осуществляемая в контексте обсуждения результата, вместе с введением образуют развернутый троп — метафору. Во введении осуществляется «поворот» мысли от фактически бесконечной по возможности экспериментального истолкования проблемы к определенной задаче, жестко (операционально) ограниченной условиями избранного метода объективной регистрации событий. Иными словами, для того чтобы понять суть некоего феномена, бытие которого предпосылочно выражалось естественным языком в форме проблемы, исследователь должен попытаться найти способ его адекватного измерения, т. е. суметь задать вопрос Природе на ее собственном математическом языке.

Когда вопрос задан и получен объективный результат — ответ самого по себе сущего, то тут же возникает настоятельная необ-

ходимость обратного движения. При всей объективности математического результата без имени, выражающего его предметный смысл, он попросту бессмыслен. Соотношение «прямого» мысленного поворота во введении и «обратного» в обсуждении-истолковании образует живую целостность научного мышления как своеобразной развернутой метафоры.

Рациональный смысл этимологического истолкования становится ясным, если учесть, что имя, входящее в обозначение объективного результата, есть некоторый термин, значение которого жестко операционально ограничено условием эксперимента. Процесс происхождения термина из «бытового» слова науки неразрывно связан с метафорическим движением мысли — «как бытовое слово, так и термин, предметы малоподвижные, которые «знают свое место» и не дают сдвинуть себя с этого места. Но для рождения термина нужен как раз сдвиг» (Аверинцев, 1979: 52). Этот семантический сдвиг происходит в зоне метафоры.

Метафорический перенос, осуществляющийся в слове, вернее, в противоречии термина и бытового слова научного языка данной предметной области, является важной схемой раскрытия смысла. Термины «как бы поворачивают к нам смысл то одной его, то другою стороною, указывают направление к нему как таковому, показывают его в разных «видах», «поворотах», «образах», «тропах» (Шпет, 1927: 83).

Так, например, в экспериментальной психологии слово «интеллект» несет в себе метафорический сдвиг, без которого принципиально невозможно понять его психологический смысл. В нем заключено постоянное беспокойство мысли, обусловленное несоизмеримостью неразрывно сопряженных аспектов бытового и общепсихологического понимания интеллекта и термина, операционально определенного для конкретных типов экспериментального изучения и измерения (например, тестирования). Этимологический анализ термина «интеллект», используемого для обозначения объективно

полученного в эксперименте результата, должен обнаружить свернутую в нем метафору, осуществить устанавливаемое ею движение мысли, открывающее смысл.

Истолкование свернутой в термине метафоры по-разному раскрывает смысл, высвечивает его дополнительные планы (интенциональности) — смысл познавательного поступка и смысл того сущего, которое выступает предметом экспериментального исследования. Начнем со второго плана истолкования смысла. Как уже отмечалось, реально сущее входит в мир экспериментальной ситуаций как некий объект. Его субъектное определение как причины самого себя выносится за скобку. Метафора как раз и является связующим звеном этих двух различных планов реально сущего. Можно предположить, что никакого вынесения реально сущего за скобки экспериментальной ситуации нет — в экспериментальной ситуации реально присутствует эта «крыса», этот «волонтер», эта «социальная группа» или это «научно-производственное объединение». Но в реальной ситуации присутствует вполне реальный экспериментатор, хотя в мире объективно зарегистрированных факторов и причинно-следственных отношений его нет и быть не может — таковы правила игры. В этом же смысле нет и невмещающегося в мир экспериментальной ситуации самого по себе реально сущего, выступающего предметом исследования (субъектом — подлежащим для объективно регистрируемых атрибутов).

Если в экспериментальной ситуации существует лишь то, что может быть представлено в виде суммы объективно зарегистрированных параметров, то само по себе сущее в аспекте возможности принципиально иных форм своего объективного представления в данном мире экспериментальной ситуации должно рассматриваться как не-сущее. *Причем, образно говоря, это не-сущее есть несущее на своих плечах все сущее, т. е. неисчерпаемый источник всего того, что в различных типах эксперимента может объективно осуществиться в форме объекта исследования.*

Этимологический анализ имени позволил сделать первые шаги в истолковании личностного смысла эксперимента. Был прояснен метафорический троп, открывающий точку зрения познающего субъекта и форму его объективного осуществления в приборной ситуации. Для классической науки это описание личностного смысла самодостаточно: «я — тот, кто первый открыл...» Пафос первооткрывателей составляет сердцевину реализации личностных смыслов в новоевропейской культуре. Остается эта установка сознания актуальной и в конце XX в. Вместе с тем есть обстоятельство, вносящее в ситуацию существенную неопределенность и, следовательно, обуславливающее необходимость нового, более глубокого прояснения личностного смысла.

Речь идет об упоминавшемся уже исчезновении привилегированного места абсолютного наблюдателя. В результате в центре обсуждения оказался вопрос об укорененности особенного познающего субъекта в бытии, необходимость задаваемой им точки зрения. Укоренение точки зрения исследователя осуществляется первоначально во введении, а затем окончательно закрепляется в процессе обсуждения. В разделе «Обсуждение результатов» экспериментальной статьи осуществляется не только объяснение или истолкование предметного смысла, но, более того, это объяснение или истолкование проводится с различных точек зрения. В чем суть этой необходимости?

Дело в том, что, истолковывая предметный смысл объективного результата, исследователь совершает поворот (троп) от термина к слову «обыденного» языка научного сообщества. Причем этот троп осуществляется для прояснения «того, о чем» идет речь в экспериментальном исследовании. Объективный результат при всей ясности относительно принципа объективности оказался существенно неопределен, и в этом смысле неясен относительно самого подлежащего, объективно полученных предикатов. Истолкование имени должно в конечном итоге привести к необходимой ясности. Вместе

с тем эта ясность не может быть достигнута лишь за счет уяснения словесного выражения имени самого по себе. Дело в том, что порядок слов и порядок вещей существенно зависят от традиции связывания. Произнося слово, исследователь в той мере проясняет «то, о чем» идет речь, в которой это слово устанавливает его отношение к традиции. Устанавливающая роль традиции не может рассматриваться как формальная процедура фиксирования определенного порядка связей между множеством знаков языка и множеством вещей реального мира. Подобные интерпретации исходят неявно из ньютоновского предположения о том, что мир вещей абсолютно равен себе и не зависит от действия познающего субъекта. Неклассическая наука содержит в себе возможность иной онтологии — в зависимости от того, как исследователь строит познавательное отношение к реальности, последняя может различным образом актуализироваться в объективированные системы.

Традиция обосновывает точку зрения наблюдателя, определяет особенность его места перед лицом бытия, того места, из которого творится и затем созерцается мир экспериментальной ситуации. Причем свойства этого места определяются уже не просто через факт его вынесенности за пределы мира экспериментально регистрируемых событий, но в контексте иного мира — истории. *Традиция устанавливает связь познавательного поступка с уже осуществленным опытом других.*

Актуализируемый в традиции мир историй по аналогии с миром природы можно также мыслить как нечто равное самому себе — история завершена, и другой быть не может. Здесь так же, как и в естественных науках, познающий субъект нередко пытается занять позицию абсолютного наблюдателя (точнее — «автора-читателя» исторических документов), утверждая, что он «созерцает» и описывает исторические события так, как они происходили на самом деле и сами по себе.

Между тем историк, как и естествоиспытатель, не пассивно отображает мир, а кон-

струирует его. Согласно Коллингвуду, «каждый историк сознает, что в ряде случаев он вмешивается в повествование источника тремя способами: он выбирает из них то, что ему представляется важным, опуская остальное; он интерполирует в них то, что они не говорят ясно; и он критикует их, отвергая или исправляя в них то, что ему кажется плодом дезинформации или лжи» (Коллингвуд, 1980: 284). Второй из выделенных Коллингвудом аспектов особенно важен, ибо он указывает на задаваемую (предполагаемую) историком-читателем исходную ясность, к которой не только устремляет себя историк-читатель, но и к которой он, домысливая, подтягивает текст источника.

Рациональная критика как инструмент исторического самосознания ученого постоянно стремится прояснить основание научного поступка, ориентируясь на то, что может, а что не может быть, что существенно в прошлом, а что в нем несущественно. Поэтому в зависимости от замысла эксперимента существенно различается то, как актуализируется историческая традиция. Причем суждение о существенности не просто ранжирует события предшествующего опыта, но на деле предполагает, что все несущественное можно вполне рассматривать как несуществующее. Поэтому если предшествующее в историческом объяснении детерминирует и обосновывает необходимость настоящего, то само оно выступает как событие, детерминированное не абсолютным порядком хронологии, но избранной позицией исследователя. Эта позиция является предположенным пространством ясности, просветом в историческом бытии, которое обеспечивает открытость, прямую коммуникативность между автором текста и читателем-историком. История в результате ее критического прояснения актуализируется в виде конечной последовательности событий, в описание которой необходимо ввести условия ее произведения, в частности выраженный в слове замысел планируемого или осуществленного эксперимента. В научных текстах эта последовательность бывает

очень коротка. Однако, как и во всякой истории, она имеет непременно несколько «доменов», которые включают свой особый язык выражения, свой «идеальный порядок» яности.

Дж. Вико прозорливо разделил историю на три «части» — история богов, история героев и гражданская история. Этот идеальный порядок нетрудно заметить в любом научном тексте. Во-первых, в обоснование любого эксперимента входит опыт исследования реальности, который ни при каких обстоятельствах не может стать проблемой исследования для данного исследователя. Это сфера самоочевидного, где любое знание имеет абсолютное значение. Во-вторых, с необходимостью должен быть введен (или предположен так, чтобы было ясно коллегам-читателям) парадигмальный опыт, задающий особую точку зрения в пределах данной предметной области. Например, ссылка физиолога на труды И. П. Павлова или Н. А. Бернштейна. Здесь И. П. Павлов и Н. А. Бернштейн олицетворяют особые точки зрения как «культурные герои» древних мифологий. Этот опыт выражает историю конкретной общности — особого исследовательского направления. И, наконец, в-третьих, в текст вводится гражданская история, устанавливающая непосредственно предшествующий поступок познавательного

отношения — конкретный опыт конкретной личности (другого «ты»). Поступок другого есть вершина конуса, в которую сворачивается в силу особенной необходимости предшествующая история. В этой точке осуществляется встреча мысли и бытия в форме установления точки зрения «я» (автора) в исторически определенное отношение к точке зрения «ты» (другого столь же суверенного автора).

*Понять эксперимент как ответ на сформулированный поступком другого вопрос и есть дать истолкование личностного смысла эксперимента.*

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев, С. С. (1979) Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М. : Наука. С. 41–81.
- Автономова, Н. С. (1986) Понимание, разум, метафора // Вопросы философии. №7. С. 69–80.
- Коллингвуд, Р. Дж. (1980) Идея истории. Автобиография. М. : Наука.
- Шпет, Г. Г. (1927) Внутренняя форма слова. М. : Академия.
- Heisenberg, W. (1971) Physics and Beyond. Encounters and Conversations. N. Y. : Wiley.
- Cassirer, E. (1979) Symbol, Myth and Culture. New Haven ; London : Yale Univ. Press.

#### Новые книги

Агранат, Д. Л. Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения : монография [Текст] / Д. Л. Агранат. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 228 с.

Вдовина, М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в семье : монография [Текст] / М. В. Вдовина. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 273 с.